

ЗЫРЯНЕ.

(исторический опытъ.)

Зыряне, числомъ до 200,000 обоего пола, живутъ нынѣ осѣдло въ съверо—восточныхъ уѣздахъ губерній: Архангельской, Вологодской, Вятской и Пермской. Въ какое время они поселились здѣсь и гдѣ обитали ранѣе—положительно неизвѣстно. Какъ пародъ, неознаменовавшій своего существованія никакими историческими памятниками и наслѣдовавшій отъ предковъ и грубые нравы, и вѣковые предразсудки, и мирную беспечность невѣжества,—Зыряне не имѣли историка, который передалъ бы памъ первобытное ихъ состояніе, постепенное развитіе, значеніе между народами соцѣственными, и самыя условія общежитія. Неимѣніе историческихъ данныхъ причиною того, что происхожденіе Зырянъ осталось и до сихъ поръ загадочнымъ; не подтвержденно достовѣрными фактами, а основанное на темныхъ разногласныхъ преданіяхъ, оно, вѣроятно, вмѣстѣ съ письменностю Зырянъ, затеряно въ вѣкахъ минувшихъ. Безпристрастный историкъ, желая разскрыть истину въ этомъ важномъ процессѣ, не иначе можетъ доискаться ея, какъ только по филологіи языковъ съверныхъ, критически сличая ихъ формы, потому что Зыряне,—какъ видимъ далѣе,—исконы населяли съверъ Россіи и съверо—западъ Сибири:—такъ сначала обширно было это, нынѣ почти угасающее, поколѣніе!—Мнѣнія ученыхъ, писавшихъ о происхожденіи Зырянъ, противорѣча одно другому, очень мало поясняютъ это

темное мѣсто въ исторіи народа, какъ имѣющія основаніемъ однѣ догадки и предположенія, лишеннія строгой выроатности. (*) Согласить противорѣчія писателей мы не беремся: это заняло бы довольно мѣста въ тѣсныхъ предѣлахъ нашихъ замѣтокъ и на много отвлекло бы пась отъ изложенія собственного мнѣнія о происхожденіи Зырянъ.

Появленія Зырянъ въ историческомъ мірѣ нельзѧ опредѣлить съ хронологическою точностію. Древній нашъ лѣтописецъ Несторъ, перечисля племена, населявшія въ его время сѣверъ Россіи, нигдѣ не говоритъ о Зырянахъ. Въ лѣтописи его читаемъ: “ а ее суть иныи языцы, иже даинъ даютъ Руси: Чудь, Мерл, Весь, Мурома, Черемисъ, Мордва, Заволочская Чудь, Пермь, Печора, Ямы, Угра или Югра, Литва, Зимигола, Корсь, Нарова, Либъ; си суть свой языкъ имуще, отъ колѣна Афетова, иже живутъ въ странахъ полунощныхъ. „ (**). Вѣроятно, Зыряне известны были тогда подъ однимъ изъ этихъ племенъ: Заволочскою Чудью, Пермью, Югрою и Печорою (потому что большая часть мѣсть и самыя рѣки, близъ которыхъ жили эти соѣдственныя и безъ всякаго сомнѣнія, родственныя племена, посять Зырянскія названія), — и тѣмъ ближе подъ именемъ послѣдней, что нынѣ иѣть народа Печерскаго, и что по рѣкѣ Печорѣ съ давнихъ временъ обитаютъ Зыряне. Новгородская вольница — ушкуйники еще до X вѣка посѣщали мѣста, занимаемыя этими племенами; изъ хартій Новгородскихъ посадниковъ видно, что Печорой они

(*) Г. Булагинъ, Профессоръ Казанскаго Университета, полагаетъ Зырянъ выходцами съ Кавказа (Ж. М. И. П. 1836 г.); Шафарикъ въ Слав. народовѣданіи говоритъ, что они отрасль Чуди.

(**) Полное собрание Русскихъ лѣтописей, изданное по Высочайш. повел. Археографич. Комиссію.

называли всѣ земли, лежащія въ наибѣшшихъ уѣздахъ — Устьсы-
сольскомъ, Яренскомъ, и отчасти въ Сольвычегодскомъ, т. е. всѣ
тѣ земли (кромѣ послѣдняго), гдѣ нынѣ преимущественно живутъ
Зыряне.

Не вдаваясь въ произвольныя гипотезы о происхожденіи
Зырянъ, мы, чтобы освѣтльнѣе доказать справедливость нашего
мнѣнія, обратимся къ вѣкамъ давно минувшимъ; бросимъ крити-
ческій взглядъ на древнейшую географію пустынаго сѣвера Рос-
сіи.—Лейбницъ, Байеръ, Туманъ, Гроцій и другіе историки,
основываясь на Латинскихъ и Греческихъ писателяхъ, населяютъ
его въ глубокой древности Финнами. Гердеръ и Клапротъ утвер-
ждаютъ, что этотъ народъ за долго до Р. Х. обиталъ уже въ
Россіи, въ мѣстахъ, прилежащихъ къ Уральскому хребту, откуда
былъ вытѣсненъ Готами, и разсѣявшиесь отъ Урала на западъ и
сѣверъ, приближался болѣе и болѣе къ послѣднему, гдѣ, свык-
шившись съ суровостію климата, жилъ беззаботно, занимаясь звѣри-
ною ловлею. Тацитъ говорить: “Финны обитаютъ въ соединеніи
съ Венедами, въ полуночной Европѣ; не имѣютъ ни домовъ, ни
коней, ни оружія; рыба, коренья и травы служать имъ пищею, а
звѣринная кожа одѣждою; они угрюмы и беспечны; не столько
боится гнѣва боговъ, сколько рабства и неволи: счастливая неза-
висимость есть рѣдкое и единственное ихъ благо въ мірѣ.”
Этотъ нравоописательный очеркъ Финновъ, за столько вѣковъ
сдѣланный Тацитомъ, въ некоторыхъ мѣстахъ такъ живо харак-
теризируетъ коренного Зырянина, что этотъ послѣдній кажется
не побочнымъ потомкомъ, а болѣе роднымъ братомъ Тацитовскимъ
Финнамъ,—такъ мало подвинули Зырянина впередъ цѣлыхъ столѣ-
тія. Очень естественно, что Финны, разселившись па такомъ во-
ликомъ пространствѣ, можетъ быть вслѣдствіе бурныхъ переворо-
товъ и междоусобныхъ браней, раздѣлились па разныя племена,

которых, еще подраздѣлившись, пустили отъ себя мелкія отрасли; но какъ тѣ, такъ и другія удержали основныя формы коренного языка, не измѣнили нравовъ и обычаевъ своихъ предковъ. Сравнивая языки Зырянъ и Финовъ, дѣйствительно, мы замѣчаемъ, поразительное сходство въ словахъ того и другаго, и тѣмъ болѣе убѣждаемся въ родственности этихъ народовъ, что нравы и обычаи ихъ совершенно сходны между собой. Доказать же это родство очевидными фактами, историческими указаніями, для насъ нѣтъ возможности, потому что для этого необходимо прослѣдить всѣ народы, обитавшіе на сѣверѣ Европы и Азіи, сравнить ихъ по языку, образу жизни, нравамъ, обычаямъ и другимъ отношеніямъ. Предоставляя этотъ важный трудъ людямъ съ глубокимъ знаніемъ и многоразличными средствами, позволимъ себѣ одно предположеніе, основанное на филологіи, и для того обратимся къ языку Зырянъ, и въ особенности къ названію, подъ коимъ они вѣобще извѣстны и какое сами даютъ себѣ въ отличіе отъ прочихъ народовъ. Исторія указываетъ, что сѣверъ Россіи и Сибири былъ населенъ многими разноплеменными народами, происшедшими отъ Финовъ; но о ближайшемъ родствѣ этихъ племенъ не предлагаетъ она положительныхъ данныхъ. При такомъ недостаткѣ средствъ къ изслѣдованію происхожденія народовъ, самое лучшее пособіе, хотя слабое, филологія.

Наричательное “Зыряне,” —неизвѣстно кѣмъ и въ какомъ смыслѣ данное народу,—если разобрать его этимологически, можетъ повести къ разнымъ толкамъ о минувшей судьбѣ этого племени. Глаголы: “зырны и зырсины,” значатъ: тѣснить, вытѣснять, вторгаться, заступать мѣсто другаго. Отсюда заключаемъ, что Зыряне были или вытѣснены, прогнаны откуда—то и кѣмъ—то, или же сами кого нибудь вытѣснили и заняли его мѣста, и, согласно съ своимъ положеніемъ, получили название, оста-

вилеся при нихъ до нынѣ: вытѣсненныхъ или же вытѣснившихъ. Послѣднее предположеніе намъ кажется вѣроятнѣе, потому что первобытные жители губерній Архангельской, Вологодской, Вятской и Пермской назывались Чудью, вытѣснившіи которую, Зыряне заняли ея мѣсто. (*) Въ глубокой древности Біармія или Пермь, которую составляли эти губерніи, по свидѣтельству Отера, Норвежскаго мореходца, приплывшаго въ IX вѣкѣ къ устью С. Двины, была населена уже разными племенами народовъ, корнемъ которыхъ онъ утвердительно называетъ Финновъ. Въ XI вѣкѣ Пермь, Югра и Печора платили дань Новгородцамъ,—этимъ смѣлымъ и предпримчивымъ въ древности искателямъ славы и богатства. На берегахъ Двины въ это время, по сказанію Исландцевъ, существовалъ богатый торговый городъ — Гольмгардъ, славный по ярмаркѣ, на которую прѣѣзжали купцы Скандинавскіе и Новгородскіе. Въ Гольмгардѣ Норвежскіе купцы Тореръ и Карль, посланные для торговли въ Біармію самимъ королемъ Олофомъ, современникомъ Ярослава, ограбили кладбище и обокрали Финскаго идола Йомалу. Названіе этаго божества чисто Зырянское; по Зырянски Йома значить старая, сварливая, неуклюжая женщина, подъ видомъ которой изображалось, какъ известно, это карающее, грозное божество. Зыряне и нынѣ употребляютъ это слово, когда хотятъ указать на злую, безобразную старуху: *йома баба, кодъ лѣкъ* — сердита, зла, какъ юма. Очень можетъ быть, что до принятия Христіанской вѣры, Зыряне боготворили идола Йомалу,— въ чёмъ убѣждаетъ насъ и темное народное преданіе о богахъ языческихъ этого народа; а одинакая вѣра, выражющаяся въ почитаніи однихъ и тѣхъ же идоловъ у племенъ, хотя разныхъ названий, даетъ весьма близкое понятіе о ихъ сродствѣ.

(*) Двинской летописецъ и Шафариково Славянское народописаніе.

Зыряне сами себя называют: *Коми*, *Коми*—*морть* и *Коми*—*войтырь*; последнее назначение употребляется тогда, когда говорится обо всем народе, а первые два при обозначении одного лица. Кто ты?—спросите Зырянина; онъ отвѣтить: ме *Коми* или *Коми*—*морть*; а отъ чего онъ такъ себя называет и какъ переводится слово *Коми* по Русски,—ни одинъ не объяснить этзго. На языке ихъ такого слова нетъ, или значеніе его утрачено. Многіе, основываясь на одномъ только созвучіи, производятъ его отъ Камы (рѣки въ Пермской губ.) и отсюда предполагаютъ, что Зыряне жили прежде по этой рѣкѣ, съ береговъ которой были вытѣснены какими—то пришельцами.... Не Болгарами—ли? Извѣстно, что Камская Болгарія занимала юго—восточные предѣлы нашего государства. Но эта гипотеза совершенно уничтожается значеніемъ словъ *Коми*—*войтырь*, которая выражаютъ собой не собственное имя народа, а мѣсто, занимаемое послѣднимъ. *Вой*—ночь, съверъ, а *тырь*—нар дъ; ближайшее значеніе словъ *Коми*—*войтырь* будетъ: Пермскій народъ, обитающій въ холодномъ климатѣ, наполняющей съверный край. Такимъ образомъ слова: ме *Коми*, *Коми*—*морть*, и *Коми* *войтырь* мы переводимъ—я Пермякъ, Пермякъ—человѣкъ и Пермскій народъ, и при этомъ ссылаемся на достовѣренныя факты, свидѣтельствующіе, что по Камѣ, во времѧ Нестора, обитало многочисленное племя—Пермь, остатокъ котораго, подъ именемъ Пермяковъ, населяющей съвер. часть Пермской губерніи, называютъ себя *Коми* или *Коми*—*морть*. Зыряне всю Пермскую губернію называютъ *Комму*—Пермская область, земля; отсюда, думаемъ, надобно производить назначение *Коми*, даваемое себѣ Зырянами. Нынѣшніе Пермяки въ образѣ жизни, нравахъ и обычаяхъ совершенно сходны съ Зырянами; въ разговорѣ, однакожъ, мало понимаютъ другъ друга, хотя въ языке обоихъ народовъ есть много словъ, выражающихъ одни и тѣ же попытія;

причиной этому значительное пространство, ихъ раздѣляющее, и рѣдкія сообщенія между собою. Слѣдовательно имена Зырянинъ и Пермякъ, соединяющіяся въ названіяхъ Коми, Комм-ортъ и Коми—войтыръ, тождественны; въ Вятской губерніи и въ пѣкоторыхъ сѣверныхъ, дѣйствительно Зырянъ называютъ Пермяками, по сходству нарѣчій этихъ народовъ.

Зырянскія названія рѣкъ и деревень, находящихся въ сѣверной Европейской и Азіатской Россіи, прямо наводятъ на мысль, что Зыряне прежде были многочисленны. Сюда по этимъ названіямъ, во множествѣ встрѣчаемымъ какъ на сѣверо—востокѣ Россіи, такъ и на сѣверо—западѣ Азіи, Зыряне населяли отъ сѣвера къ югу всѣ мѣста отъ устья рѣки Печоры до начала сѣв. Двины и даже по Сухонѣ, а отъ запада на востокъ—отъ Коалы до восточныхъ границъ Сибири. Столь огромное пространство, ими занимаемое, и отъ того, естественно, рѣдкія между собою сообщенія, способствовали подраздѣленію ихъ на мелкія племена, изъ коихъ называемъ Богуличей, Вотяковъ, которыхъ со временемъ, удалившись отъ своего коренного языка, стали забывать его основные формы, отличаться одинъ отъ другаго въ названіи предметовъ, небывалыхъ до толь въ ихъ быту. Это подраздѣленіе даетъ поводъ ко мнѣнію, что мелкія племена, живя отдельно, и не имѣя ни какого понятія о гражданственности, часто скорились, тѣснили другъ друга; глаголы Зырны и Зырсины служить опорою предположенія, что распри, вообще свойственныя народамъ грубымъ, были главною причиной утраты тѣхъ фактовъ, на которыхъ основывается первоначальная исторія каждого народа. До сихъ поръ не найдено еще ни одного источника, который сколько—нибудь разскрылъ бы первобытное состояніе Зырянъ.(*)

(*) Всматриваясь наблюдательнымъ взглядомъ въ типичность языка и характеръ народонаселенія сѣверо-западной и сѣверо—восто-

На страницахъ исторіи народъ подъ именемъ Зырянъ являлся въ половинѣ XIV стол., когда св. Стефанъ началъ проповѣдывать имъ истинны Христіанской религії. Они жили тогда осѣдо, занимались земледѣліемъ, звѣриными и рыбными промыслами, и, бывъ зависимы отъ Новгорода, а потомъ отъ Москвы, платили имъ дань нушиными товарами, богатствомъ которыхъ эти города прежде такъ славились. Отважные шайки Новгородскихъ ушкуйниковъ, еще до временъ Рюриковыхъ,—какъ полагаютъ некоторые,—завоевали большую часть мѣсть, принадлежавшихъ Зырянамъ, куда привлекло ихъ изобиліе дорогой рухляди и самая дешевизна туземныхъ товаровъ. (*) Въ началѣ XI вѣка они обложили данью обитателей по р. Печорѣ и народъ Югорскій, а въ 1193 г. ходили въ Угрю съ многочисленною дружиною,

сточной части Вологодской губерніи, невольно видишь въ первой изъ нихъ чистыхъ потомковъ обитателей прибрежья Финского залива:—также блѣзна тѣла съ свѣтло—блѣлокурыми волосами, также медленность и спокойствіе въ словѣ и движеніяхъ, также мягкость и добродушіе нравовъ; напротивъ же въ Устьсисольскомъ и Яренскомъ уѣздахъ постоянно встрѣчаются типы съ рѣзкими проявленіями особенностей Монгольского племени: смуглые лица, черные какъ смоль волосы, упрямый и настойчивый характеръ.

Посему трудно согласиться, что бы населеніе обѣихъ этихъ мѣстностей были потомствомъ одной и той же древней Чууди, были отраслями одной и той же народности;—скорѣе можно допустить предположеніе автора, что Зыряне, — пришельцы съ юга,—вытѣснивъ Финновъ, поселились среди нихъ и за тѣмъ съ теченіемъ времени, усвоивъ обычай и смышавъ языкъ, слились съ ними и составили новое общее племя. На этомъ основаніи для точнаго опредѣленія происхожденія Зырянъ необходимо было бы изслѣдованіе не только филологическое, но и этнографическое,—быть можетъ тогда и этимологія] и самый черепъ зырянъ доказалъ бы, что они—не Финского поколѣнія, отрасль. *Отъ Редакціи*

(**) Записки Лепехина, Т. IV, и Крестина: Пачертаніе исторіи Холмогоръ.

подъ начальствомъ воеводы Андрея, за серебромъ и соболями,— обыкновенною данью, которую неисправно платили Князья Югорскіе. (*) Этотъ походъ Новгородцевъ замѣчателенъ тѣмъ, что они шли въ Угрю по новой дорогѣ, еще въ 1093 г. проложенной Зырянами, которая и называлась Зырянскою; она шла вдоль *Вогули* до *Сойвы* и служила сообщенiemъ между народами съверо—восточной Россіи и Сибири. (**) Эта дорога важна въ исторіи Зырянъ тѣмъ, что свидѣтельствуетъ о торговлѣ ихъ съ народами Сибирскими. Великіе князья Московскіе, начиная съ И. Д. Калиты, постоянно обращались къ Новгородцамъ съ требованіями добровольно дѣлиться сокровищами Перми и Сибири, и когда получали отказъ, то вооруженною рукою, хотя и не всегда успѣшно, принуждали ихъ уступать часть дани, собираемой въ Заволочьѣ, Печорѣ и Угрѣ: потому что казна великокняжеская, истощаемая частыми путешествіями въ корыстолюбивую Орду, была слишкомъ бѣдна, по стечению бѣдственныхъ обстоятельствъ государства. Д. И. Донской, то хитрою политикою, то оружіемъ, привелъ Новгородъ со всѣми его обширными завоеваніями въ зависимость отъ Москвы, и съ сего времени Зыряне были данниками болѣе Москвы, чѣмъ Новгорода. Москва, довольно пущеными товарами, исправно ими платимыми, не принуждали ихъ къ перемѣнѣ вѣрованія.

Въ XIV стол. Монахъ Ростовскаго Григорьева монастыря Стефанъ, сынъ соборнаго Устюжскаго причетника, воспламенился ревностію быть Апостоломъ этихъ идолопоклонниковъ. Чтобы яснѣ и вразумительнѣе передать имъ истины христіанской вѣры, онъ, готовясь на трудный апостольскій подвигъ, сначала изучилъ

(*) Путешествіе Налласа. Ч. III, стр. 572.

(**) Новгородскій лѣтописецъ и полное собраніе Рус. лѣтописей, изд. по Высоч. повел. Археограф. Коммиссію.

языкъ Зыряевъ, составилъ для него особенную азбуку и перевелъ илько важнейшихъ Богослужебныхъ книгъ. Сперва, приготовивъ самаго себя для проповѣди Слова Божія, Стефанъ отправился въ Москву просить благословенія на подвиги у Коломенскаго Епископа Герасима, правившаго тогда Московской Митрополіею, который провидя въ немъ просвѣтителя Перми, снабдилъ его, на случай освященія церквей, частицами мощей святыхъ, муромъ и антиминсами,—а В. Князь Димитрій Іоанновичъ далъ ему для безопасности охранную грамоту. На путствіемъ благодатію Божію, сей новый Апостоль вскорѣ достигъ земли Пермскія (1376 г.), и остановился въ первомъ Зырянскомъ селеніи Пырасъ(Котласъ), при впаденіи Вычегды въ Сѣв. Двину, въ 20 вер. отъ Сольвычегодска, гдѣ “и нача, яко овча по средѣ волковъ, посредѣ рода стропти “ва и развращенна ходити и проповѣдати Христа, истиннаго Бога, и “учити Христовой вѣрѣ..” Еъ началъ илькоторые, слыша вѣру, проповѣдуемую на родномъ языкѣ, и признавая ее истинною, принялъ св. крещеніе; но многіе, привязанные къ язычеству, и удерживаемые болѣе хитрою лестію чародѣевъ, не только отвергли его проповѣдь, “но и пакости ему творяху многія: овіи бо ругахуся “ему, овіи же словесы укоризненными досаждаху, а іинніи съ “дрекольми нападаху на него, во еже убити его, друзья же соже-“щи того хотяху, хвастіе же и солому собираху па огонь, . . . Но Богъ хранилъ проповѣдника па просвѣщеніе тѣхъ, которые въ слѣпотѣ нѣвѣжства не понимали своего заблужденія. Укрѣ-пляемый въ доблестномъ подвигѣ невидимою небесною помощію, Св. Стефанъ съ устья Вычегды перенесъ свою проповѣдь на устье Выми,—въ самый центръ тогдашняго Зырянского края, въ средину всей Бѣларміи. Здѣсь ревностный обличитель идолопоклонства долго бѣролся съ грубыми предразсудками народа; наконецъ укрѣтивъ его дикія страсти силою Свѣтла Божественнаго, присоединилъ

многихъ къ православію. съ одной стороны познавъ ложность языческихъ боговъ, съ другой—могущество истиннаго Бога, они презирали идоловъ и увеличивали число вѣрныхъ, принявшихъ уже крещеніе. Такъ знаменіе вѣры восторжествовало падь волхвованіемъ, и алтари Богу Всемогущему явились на развалинахъ идолъскихъ капищъ. Первая церковь, созданная Стефаномъ, была на устьѣ Выми, впадающей въ Вычегду въ 70 верстахъ отъ Устьысольска внизъ по Вычегдѣ, при коей въ послѣдствіи, по образованіи Пермской епархіи, былъ устроенъ монастырь, гдѣ имѣли жестояніе Великопермскіе Архіереи. Эту церковь онъ освятилъ во имя Пресвятой Богородицы, “честнаго и славнаго ея Благовѣщенія, въ “начатокъ просвѣщенія земли Пермскія, якоже и Благовѣщеніе “спасенія нашего бѣ начало.” (*) Неутомимо заботясь о духовномъ преусъяніи юной паству, Стефанъ учредилъ при церкви училище, въ которомъ самъ былъ первымъ наставникомъ, училъ юношество часослову, исалтири и прочимъ церковнымъ книгамъ, переведеннымъ на Зырянскій языкъ. Въ этой школѣ, для прочнаго утвержденія народа въ вѣрѣ, онъ образовалъ пастырей и учителей изъ самихъ Зырянъ, которые уже въ его время правили словеснымъ стадомъ, ибо богослуженіе, для легчайшаго уразумѣнія истинъ православной вѣры, отправлялось на Зырянскомъ языкѣ. Преданіе говоритъ, что Стефанъ сочинилъ заупокойную обѣдню

(*) Въ XVI в. монастырь упраздненъ и церковь обращена въ приходскую. У крестьянъ Устьвысокихъ есть преданіе, что первая церковь, созданная Стефаномъ, была основана престоломъ на пнь необыкновенной величины березы, которой предки ихъ будто бы поклонялись и приносили въ жертву дорогое мяча. Митронополить Евгений, кажется, справедливо замѣстъ, что этотъ пень былъ остатокъ огромной ели, потому что Зыряне своихъ предковъ—язычниковъ и нынѣ называютъ “коѣ—лы—юрбатысья,”—ельники. Извѣстно, что белка и другіе мелкие звѣри питаются зернами еловыхъ шишекъ, и чѣмъ больше бываетъ урожай ихъ, тѣмъ болѣе плодятся звѣри; слѣд. еловое дерево приносilo счастіе звѣроловамъ.

сь панихидой,(*) — какъ надобно догадываться, — для успокоенія душъ тѣхъ усопшихъ братій, которые бывъ просвѣщены Христіанскою вѣрою, снова прельщенные волхвами, отступили, отъ православія, и, современемъ, опять были пріобщены къ стаду Христову. Неудивительно, что Зыряне и по принятіи Христіанства питали пѣкоторую привязанность къ идоламъ: какъ народъ дикий, они не могли вдругъ оставить языческихъ обыкновеній, которыхъ льстили ихъ любимымъ привычкамъ, и втайне молили тѣхъ идовъ, которые прежде, — какъ былиувѣрены, — помогали имъ въ ловлѣ звѣрей, птицъ и въ общежитіи. Св. Стефанъ зналъ эту поклонность новообращенныхъ сыновъ къ кумирамъ, и, предавъ себя волѣ Божіей, рѣшился истребить ихъ совершенно. Не страшась мести волхвовъ и закоренѣлыхъ язычниковъ, онъ съ нѣсколькими изъ вѣрныхъ въ скорое время сжегъ гумирицы, идоловъ и даже богатыя жертвы, которыми такъ щедро были украшены пасльдніе. Изумленный народъ не смѣлъ защищать своихъ прежнихъ боговъ, но въ душѣ питалъ къ нимъ уваженіе и страхъ; да и самые чародѣи, потерявъ съ введеніемъ христіанской вѣры выгоды и расположение народныхъ умовъ, болѣе и болѣе старались поддерживать грубое суевѣrie собратій. Они съ горестію противали слезы на пепелищѣ кумировъ, но песни поднять руки на человѣка Божія, сколько изъ боязни за смерть мужа, имѣвшаго грамоты отъ В. Князя, столько же и обезоруживаемые

(*) Академикъ Лепехинъ, нашелъ у Зырянъ, въ Устьсмыольскомъ уѣздѣ, переводъ только Златоустовской обѣдини, напечатанной славянскими буквами, и напечаталъ его вмѣстѣ съ прочими Зырянскими особенностями въ III ч. своихъ записокъ. Эта переводъ обѣдини не полонъ; въ немъ не достаетъ ни проскомидіи, ни тайныхъ молитвъ, читаемыхъ священникомъ. Языкъ этой обѣдини, говорить Лепехинъ, никто уже не разумѣлъ изъ Зырянъ, потому ли, что она переведена не на Зырянской, а на коренней Пермскій языкъ, или Зыряне, вѣроятно, отстали отъ своего древняго языка.

постоянною кротостію проповѣдника, смиреніемъ и самымъ образомъ его жизни: ихъ слезы были послѣднею данію идоламъ. По сожжениіи кумировъ Св. Стефанъ имѣлъ препіе о вѣрѣ съ главою Пермскихъ чародѣевъ—Памомъ, “его же Пермстія людіе, преж-“де крещенія своего, почитаху паче всѣхъ волхвовъ, и имѣяху “того яко отца и учителя и наставника, вѣрующіе управляемой “быти того волхвованіепъ всей земли Пермстей...”

Побѣжденный въ своихъ мудрованіяхъ и чарахъ, хитрый Памъ, желая устрашить святаго, предложилъ послѣднее средство, одобрение народа: пройти вмѣстѣ сквозь огонь и воду, но и тутъ, посрамленный, едва не сдѣлался жертвою народной ярости. Тогда большая часть народа, кромѣ упорнейшихъ волхвовъ и язычниковъ, видя вѣру отцовъ своихъ попранную, охотно приняли св. крещеніе, такъ что для утвержденія ихъ въ вѣрѣ недостаточно было одного пастыря, и самая церковь не могла вмѣщать всѣхъ вѣрныхъ. Вскорѣ были построены новопросвѣщенными двѣ особны церкви, въ которыхъ поочередно отправляя Богослуженіе, Св. Стефанъ укрѣплялъ словесное стадо въ вѣрѣ, училъ благочестію, наставлялъ па добрыя дѣла. Приверженцы суевѣрія, говоритьъ молва народная, удалились отъ проповѣди Стефана въ Удору и за р. Печору, и оттуда вмѣстѣ съ Богуличами довражвали противъ Христіанъ, но недолго: при пріемникѣ Стефана, Епископѣ Исаакѣ, иноки Троицкой Печерской пустыни обратили ихъ въ христіанскую вѣру, просвѣтили всѣхъ Зырянъ, даже до Пустозерска, и положили основаніе Кеврольскому Воскресенскому монастырю, братія которого обратили ко Христу жителей Пинежскаго уѣзда. (*)

Послѣ семи лѣтъ проповѣди, Стефанъ отправился въ Москву (1383 г.) просить В. Князя и Митрополита, чтобы дали Епископа новоопрошенному народу Пермскому. Возблагодаривъ Бога за пріобрѣтеніе новыхъ чадъ Церкви, Митрополитъ Пименъ, вмѣстѣ съ освѣщеннымъ Соборомъ, за апостольскіе труды хиротонисалъ во Епископа самаго проповѣдника, а В. Князь, осыпавъ его милостями, съ богатыми дарами от发илъ въ новую епархію. По прибытии къ своей паствѣ, святитель, имѣя благодать другихъ посвящать для совершенія таинствъ, поставилъ избранныхъ изъ Зырянъ во іереи и діаконы, построилъ еще нѣсколько церквей съ училищемъ при каждой, создалъ 5 монастырей, (*) и, въ теченіи 13 лѣтъ своего епископства, заслужилъ вполнѣ имя отца и благодѣтеля народа Пермскаго: помогалъ ему въ нуждахъ; снабжалъ жизненными припасами; защищалъ отъ иритѣній дикихъ сосѣдей (Вогуличей), новгородской вольницы и чиновниковъ великооктябрьскихъ; просилъ объ уменьшении налоговъ; былъ ихъ неусыпнымъ стражемъ и миротворцемъ. Въ подтверждепіи этого приводимъ “плач земли Пермскія о смерти проповѣдника,” написанный другомъ монахомъ его Епифаніемъ:

“Топерво оставкомъ добра промысленника и ходата, иже къ “Богу моляшеся о спасеніи душъ нашихъ, а къ Князю о жалобѣ нашей и о льготѣ, и о пользѣ нашей; къ болярамъ же, къ “началамъ—властелемъ міра сего быль намъ заступникъ теплъ, “многажды избавляя ны отъ насилий и работы и тивунскія про-

(*) Два въ Яренскомъ уѣздѣ: Устьвымскій и Архангельскій, и три въ Устьсисольскомъ: Отчинскій, Ульяновскій и Печорскій. Въ послѣдствіи, кромѣ Устьвымскаго, обращенного въ приходскую церковь, прочихъ монастырей даже и слѣдовъ не осталось. Въ настоящее же время вновь устраивается Ульяновскій монастырь, вызванною братією изъ Соловецкаго монастыря.

“дажи, и тяжкія дани облегчая ны. Но и сами тіи Новгородци,
“укишуйницы, разбойницы, словесы его увъщевани бываху, еже ие
“воевати ны Быхомъ поношениe сосѣдомъ нашимъ иноязыч-
“никомъ: Лопи, Вогулицамъ, Югрѣ и Пинезѣ Еретицы, ду-
“чегубцы, разбойницы, иноязычницы Гогуличи (Вогуличи) насту-
“паютъ; рать еретиковъ наступаетъ: а воеводы нѣсть, еже бы
“ихъ порокомъ духовнымъ разшибаль,” ...

Не знаемъ, когда именно отмѣнено богослуженіе на Зырян-
скомъ языке; но извѣстно, что въ началѣ XVII вѣка оно совер-
шалось уже на Славянскомъ. Думаемъ, что это измѣненіе произо-
шло или вслѣдствіе неполноты перевода богослужебныхъ книгъ,
или во избѣженіе недоразумѣній при совершеніи таинствъ, при
исправленіи церковныхъ требъ,— или же, что кажется справедливѣе,
для повсемѣстного однообразія: ибо издревле Богослуженіе совер-
шалось у насъ на языке Славянскомъ.

По обширности церкви Стефановой, которая заключалась въ
трехъ уѣздахъ Вологодской губерніи—Сольвычегодскомъ, Ярен-
скомъ и Устьысьольскомъ, должно предполагать, что число языч-
никовъ, обращенныхъ въ Христіанство было весьма значительно.
Въ современныхъ лѣтописяхъ, къ сожалѣнію, слишкомъ кратко
говорится объ основаніи Пермской церкви и еще тѣмъ менѣе о
миѳологии Зырянъ; а позднѣйшіе историки не отыскивали слѣдовъ
затерянныхъ вѣрованій, оставивъ потомству одни темные преданія
касательно прежней религіи Зырянъ. Этотъ любопытный фактъ
объяснилъ бы много загадочныхъ мѣстъ язычества Зырянъ, еслибы
удѣлѣли образцы ихъ письменности и самая азбука Зырянская не
была утрачена.(*)

(*) Митрополитъ Евгений говоритьъ, что пожары, бывшиe въ цер-
квяхъ Устьыськихъ, истребили много Зырянскихъ рукописей. Не-

Въ житії Св. Стефана излагаются болѣе общиа черты идолопоклонства Зырянъ: тамъ говорится, что у нихъ были кумерницы, управляемыя чародѣями, куда преимущественно стекался народъ для поклоненія идоламъ,—но какаго рода были эти послѣдніе, ничего не объясняется. Почтеніе къ идоламъ было въ высшей степени, не смотря на ихъ многочисленность: не только въ домахъ, но и на перекресткахъ дорогъ, въ поляхъ, на выгонахъ и въ лѣсахъ усердные язычники ставили множество разноименныхъ деревянныхъ и мѣдныхъ кумировъ, которымъ, порознь каждому, приписывали извѣстную силу дѣйствій, и приносили имъ въ жертву дорогія шкуры пушныхъ звѣрей: соболей, бобровъ, лисицъ, выдръ,rossамахъ и др. Эти приношенія считались собственностю идоловъ и, по продажѣ, употреблялись на ихъ украшеніе. Никто не смѣлъ пользоваться ими, изъ опасенія лишиться благодѣяній кумировъ: нечаянно быть постигнутымъ лютую болѣзнию, или,—что всего несчастнѣе,—быть неудачнымъ стрѣлкомъ. Въ суевѣрныхъ преданіяхъ Зырянъ открываемъ слѣды грубаго язычества: поклоняясь идоламъ, они почитали и духовъ, имѣвшихъ, по ихъ мнѣнію, сильную власть надъ природою и человѣкомъ. Такъ, они вѣрили въ бытіе лѣшихъ, домовыхъ, лѣсныхъ и водяныхъ, описывая ихъ безобразными страшилищами, созданными на ужасъ человѣчеству; озерамъ и рѣкамъ приписывали нѣкоторую святость, омывая себя въ извѣстное время ихъ водами.—Однакожъ, въ самомъ безрасудномъ суевѣріи, Зыряне имѣли понятіе о Богѣ Вышнемъ, живущемъ на небесахъ, который, по ихъ понятіямъ, печется только о надзвѣздномъ мірѣ, люди же недостойны

большая часть этихъ рукописей и прочихъ древностей Зырянскихъ, по Высочайшему повеленію Императрицы Екатерины II-й, тщательно была собрана Вологодскимъ Гражданскимъ Губернаторомъ Мельгуновымъ, и отослана въ Эрмитажную библиотеку.

возсылать къ нему своихъ молитвъ, но должны обращаться съ ними къ чадамъ его—духамъ и идоламъ, управляющимъ землей. Это непостижимое существо называли они общимъ именемъ “Енгъ”, не дѣлали изображеній его, не посвящали ему и кумирницъ, полагая, что смертные, одержимые всегда духомъ немощю, не могутъ имѣть съ нимъ сообщеній и въ нуждахъ обязаны относиться къ богамъ меньшимъ, которые, умилостивляясь жертвами, всегда помогаютъ тому, кто добръ и честенъ въ мірѣ. Такимъ образомъ грубый умъ Зырянъ, блуждая во мракѣ невѣрія, имѣлъ самыя темныя понятія о божествѣ, и, почитая созданія рукъ—идоловъ, думалъ, что многочисленность ихъ въ состояніи защитить человѣка отъ грозныхъ судбинъ, неотвратимыхъ никакою человѣческою мудростію!

Лѣтописи сохранили для насъ имена двухъ идовъ Зырянскихъ, которые мало извѣстны народу даже по преданіямъ, и Зыряне отрекаются отъ нихъ: название одного изъ идовъ чисто Зырянское, это — “Войнель,” — почное ухо.(*) Можетъ быть, этотъ истуканъ считался бодрствующимъ стражемъ, вѣрнымъ хранителемъ и защитникомъ народа. Другой назывался: “Золотая Баба”; ему приписывали чудесную силу волхвованій(**). Идолъ “Юмалы,” живѣе сохранился въ преданіяхъ народныхъ и, какъ замѣтили мы выше, Зыряне и нынѣ употребляютъ это слово, како бранное, или пугливое, устрашающее.

Языческіе религіозные обряды Зырянъ почти во все неизвѣстны намъ. Знаемъ только, что совершеніе ихъ поручалось волхвамъ, пользавшимсяуваженіемъ суевѣрнаго народа за предсказанія въ будущемъ. Именемъ боговъ обуздывая своевольство гру-

(*) Грамота Митрополита Симона къ Пермакамъ.

(**) Новгородскій лѣтописецъ подъ г. 1398.

быхъ собратовъ, волхвы хитростю и богатствомъ пріобрѣтали надъ ними власть, которая тѣмъ была тягостнѣе для Зырянъ, что они большую половину жертвъ употребляли въ свою пользу, и нерѣдко силой требовали новыхъ. Писатель житія Св. Стефана говорить, что Зыряне, наслѣдовавъ отъ предковъ простоту правовъ, не пользовавшись до введенія Христіанской вѣры выгодами правлѣнія благоустроенаго, не терпѣли ограничений вольности, строго соблюдали древніе обычай и преданія, и только въ опасностяхъ сходились на совѣтъ, гдѣ благоразуміе и справедливость часто убирали дерзость и насилие. Волхвовъ своихъ Зыряне не очень любили, скорѣе боялись и ненавидѣли; — ибо присвоенная ими власть не только ограничивала свободу народа, но простиралась даже и на его собственность.
